

В. М. ЖИРМУНСКИЙ

Два направления современной лирики

Русская лирика последней четверти века развивалась под знаком символизма. Правда, давно уже говорят о преодолении символизма. Но только в самое последнее время, незадолго до войны, возникло поэтическое направление, в самой основе своей порвавшее с заветами символистов. Его поэтическим родоначальником был М. А. Кузмин. Участники нового движения обозначили свою художественную веру вычурным и ничего не говорящим именем «акмеизма». В своих поэтических манифестах (журнал «Аполлон», январь 1913 года) они отрекались от романтической мистики, господствовавшей в поэтическом творчестве и мирозерцании старших поэтов; взамен поэтики намеков, иносказаний и символов, музыкально-действенных, смутно волнующих, они требовали четкости, законченности и прочности поэтических образов, логической точности и вещественности слов и словесных сочетаний. Если символисты любили повторять слова Верлэна: «Музыки прежде всего!» — то Гумилев, теоретик новой поэтической школы, ссылается на требование Теофила Готье:

Созданье тем прекрасней,
Чем взятый материал
Бесстрастней!
Стих, мрамор иль металл...

В этом столкновении двух литературных поколений мы усматриваем не случайное состязание незаметных и неинтересных литературных клик, а глубочайший перелом поэтического чувства, быть может — еще более глубокий, чем переход от лирики восьмидесятых годов к искусству символистов. Бальмонт продолжает традицию Фета; Блок внутренне связан с лирикой Вл. Соловьева. Напротив того, Бальмонт и Кузмин, Блок

и Ахматова, случайные современники, часто близкие по поэтическим темам, принадлежат существенно разным художественным мирам, представляют два типа искусства, едва ли не противоположных.

Постараемся показать эту разницу на сравнении двух стихотворений Блока и Ахматовой, сходных по теме, но всецело различных по обработке этой темы: на частном примере такого сравнения покажутся убедительнее наши общие выводы.

Стихотворение Блока озаглавлено «В ресторане»:

Никогда не забуду (он был или не был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре — фонари.
Я сидел у окна в переполненном зале,
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, Аи.
Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала: — И этот влюблен.
И сейчас же в ответ что-то грянули струны,
Иступленно запели смычки...
Но была ты со мной всем презрением юным,
Чуть заметным дрожаньем руки...
Ты рванулась движеньем испуганной птицы
Ты прошла, словно сон мой легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы
Зашептались тревожно шелка.
Но из глуби зеркал ты мне взоры бросала
И, бросая, кричала: — Лови!..
А монисто брэнчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.

Стихотворение Ахматовой называется «Вечером»:

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.
Он мне сказал; «Я верный друг!»
И моего коснулся платья...
Как непохожи на объятья
Прикосновенья этих рук.
Так гладят кошек или птиц...
Так на наездниц смотрят стройных...
Лишь смех в глазах его спокойных
Под легким золотом ресниц.

А скорбных скрипок голоса
 Поют за стелющимся дымом:
 Благослови же небеса:
 Ты в первый раз одна с любимым.

Оба стихотворения написаны на сходную тему: загородный сад, ресторан, музыка, встреча с любимым повторяются и там и тут. Черты сходства более частные: «голоса скрипок», которые «поют» («где-то пели смычки о любви»), может быть, являются указанием на некоторое влияние старшего поэта на Ахматову, тем более, что стихотворение Блока принадлежит к наиболее известным. Но за сходством темы — глубочайшее различие. Блок изображает событие мистического содержания, полное бесконечного значения; у Ахматовой — простая, обычная жизненная встреча, хотя и субъективно значительная. Какими приемами создается это различие впечатления?

Блок начинает словами: «Никогда не забуду (он был или не был этот вечер)». Он сразу создает тем самым впечатление единственности, необычайности, исключительности этой любовной встречи. И все же — рассказывает ли он видение сна, или это было на самом деле? То же сомнение в реальности чудесного образа звучит в «Незнакомке».

И каждый вечер, в час назначенный,
 (Иль это только снится мне?)
 Девичий стан, шелками схваченный,
 В туманном движется окне...

И то же сознание необычайности чудесного явления и сомнение в его реальности повторяются ниже: «Ты прошла, словно сон мой, легка». Ахматова, напротив того, наверно знает, что это было не во сне, а в живой действительности, так точно запомнившейся во всех своих мелочах: «Свежо и остро пахли морем на блюде устрицы во льду».

Блок обрамляет свое стихотворение употреблением символического образа «зари», который мы знаем из большинства его стихотворений как сопутствующий чудесному явлению Незнакомки. Только теперь это — не светлая заря его юношеских стихов о Прекрасной Даме — розы и золото в светлой небесной лазури — это «больная» заря его «цыганских» стихов, желтая, дымная, пожарная: «Сожжено и раздвинуто бледное небо, и на желтой заре — фонари». Метафорические глаголы: «сожжено» и «раздвинуто» придают грандиозные, мифологические очертания этой картине желтого, больного неба. То же в последних стихах: «А монисто брэнчало, цыганка плясала и визжала заре

о любви». У Ахматовой это обрамление символическим образом, повторяющимся в начале и в конце, конечно, отсутствует. В композиции ее стихотворения такую же роль играет музыка, «звнящая в саду» — «скорбные голоса скрипок».

Эти скрипки присутствуют, как было сказано, у обоих поэтов. Но у Блока они — в неведомой, неопределенной дали: «Где-то пели смычки о любви»; и содержание песни так же неведомо и непонятно поэту: «И сейчас же в ответ что-то грянули струны»... «Где-то» и «что-то» — показательные слова для поэта-романтика. У Ахматовой сказано точно: «звенела музыка в саду», «поют за стелющимся дымом». Точной локализации звуков соответствует точное обозначение их эмоционального содержания: горестные, скорбные звуки. «Звенела музыка в саду таким невыразимым горем». Словами обычной, простой человеческой речи звучит это лирическое вчувствование в настроение песни. И вместе с тем, как всегда у Ахматовой, — удивительная точность, индивидуальность в выборе эпитета и соединении его (синтетической связью) с соответствующим словом: «А скорбных скрипок голоса...».

Оба поэта описывают предмет своей любви. Блок говорит о возлюбленной: «Ты рванулась движеньем испуганной птицы, ты прошла, словно сон мой, легка... И вздохнули духи, задремали ресницы, зашептались тревожно шелка...». Перед нами опять проходит образ Незнакомки: «Дыша духами и туманами, она садится у окна. И веют древними поверьями ее упругие шелка». Теми же приемами поэт достигает превращения образа возлюбленной в чудесное и таинственное явление иного мира, вступившего в этот мир. Ряд одушевляющих метафор и сравнений: «духи дышат», «ресницы дремлют», «шелка шепчутся тревожно»; она срывается с места «движеньем испуганной птицы». Притом сравнение, на которое уже было указано, выводит нас за грани мира внешней действительности: Незнакомка похожа на «сон». Не так описание возлюбленного у Ахматовой. Оно передает интимное и тонкое чувственное наблюдение в эпиграмматически точной словесной формуле: «Как не похожи на объятья прикосновенья этих рук». «Лишь смех в глазах его спокойных под легким золотом ресниц». Здесь опять искусство Ахматовой проявляется прежде всего в новом и творческом сочетании простых слов со стороны их логического и вещественного значения, так что связь между словами — незаменимая, индивидуальная, синтетическая. Напротив того, метафорические образы Блока вырастают из лирической, музыкальной напевности. Отсюда — повторения частей слов и це-

лых слов, гласных и согласных, синтаксический параллелизм, даже — внутренние рифмы: «И вздохнули духи, задремали ресницы, зашептались тревожно шелка», и особенно — в последней строфе.

Что же составляет фактическое содержание того и другого стихотворения? Рассказанное «своими словами», в прозаическом изложении, стихотворение Блока как бы разоблачается, теряет свой поэтический смысл. Встреча с незнакомой женщиной в ресторане, обращение к ней поэта, ее «надменный» и презрительный ответ, — и вдруг при звуках музыки, когда в зеркале их взгляды встретились, — внезапное чувство близости, охватившее обоих. Только в поэтической обработке мы поймем мистическую значительность этого события для поэта («Никогда не забуду!») — явления Незнакомки, единственной и настоящей Возлюбленной, в земном образе незнакомой красавицы. И потому звучат так романтически-торжественно первые слова, обозначающие эту исключительную встречу: «Я послал тебе черную розу в бокале золотого, как небо, Аи». — У Ахматовой содержание просто и легко определимо; и внешний смысл рассказа полностью совпадает с его внутренним значением. Это — первое свидание с любимым. Она узнает, что он ее не любит и никогда не будет любить; он только — «верный друг». «Он мне сказал: — Я верный друг! И моего коснулся платья. Как непохожи на объятья прикосновенья этих рук».

На основании этого примера мы можем в общей форме выразить различие между творчеством Блока и Ахматовой, между мистической лирикой символистов и новейшей поэзией, «преодолевшей символизм».

Лирика символистов носит мистический характер. Присутствие бесконечного в каждом переживании вкладывает особый, более глубокий смысл, сообщает новое измерение всему, что совершается. Мы ощущаем, что переживание как бы рождается из самой глубины души, еще целостной, неразделенной, нередко — хаотической. У Ахматовой и поэтов ее круга — возвращение чувству масштаба конечного, человеческого; оно закончено в себе самом, как бы очерчено и ограничено со всех сторон; в связи с этим — раздельность и четкость каждого душевного переживания, стройный и строгий порядок в «душевном хозяйстве». У символистов — религиозная трагедия, здесь — простая, скромная, интимная жизненная повесть. У символистов — исключительная самоуглубленность, погруженность в себя и внутренняя связанность своим переживанием; у Ахматовой — возникновение интереса к внешнему миру, его чувствен-

ным, реальным, зрительным мелочам, умение точно наблюдать внешние признаки переживания: каждое переживание привязано к какому-нибудь внешнему факту, как своему поводу или осязаемому признаку.

С этими особенностями поэтического чувства неизбежно связаны особенности поэтики. У символистов лирика рождается из духа музыки, слова вызывают смутное настроение своими звуками, скорее чем смыслом, обычны повторения звуков и слов, и целых стихов, как в песне; слова становятся метафорическими иносказаниями, намеками на иные значения; их логический и вещественный смысл затемнен, но тем сильнее их эмоционально-лирическая действенность. Напротив того, у нового поколения поэтов отсутствует эмоциональный элемент в непосредственном, песенном выражении и вместе с этим исчезают особенности напевного, лирически-музыкального стиля. Зато поэтические образы приобретают графичность и четкость; логический и вещественный смысл слов восстановлен в своих правах; соединение слов определяется прежде всего смыслом и закрепляется точной и строгой эпиграмматической формулой; расчлененность и законченность выражается и в синтаксическом построении, и в самой композиции стихотворения. В поэтике новой школы совершается поворот к классическому искусству Пушкина.

В течение всего XIX века в русской лирике господствовала романтическая традиция, восходящая к Жуковскому, Тютчеву, Фету, Вл. Соловьеву. К этой традиции примкнули и русские символисты. В лирике М. А. Кузмина мы впервые наблюдаем возвращение к классицизму. В «Белой Стая» Анны Ахматовой оно сказалось особенно отчетливо. Вот почему мы утверждаем, что в поэтическом вкусе и поэтическом творчестве этих последних лет намечается новое поэтическое искусство, глубоко отличное от лирики поэтов-символистов.

